

DOI: 10.15688/jvolsu4.2015.3.7

УДК 94(497.1):342

ББК 63.3(4Юго.Сер)

ВРЕМЯ ЗАКОННИКА СТЕФАНА ДУШАНА¹

Джордже Бубало

Доктор, профессор,
доцент кафедры истории философского факультета,
Университет в Белграде
djubalo@f.bg.ac.rs
Чика Любина, 18–20, 11000 г. Белград, Сербия

Аннотация. Данная работа представляет собой попытку показать в общих чертах историю применения и изменения Законника Стефана Душана со времени провозглашения в 1349 г., обновления 1353–1354 гг. и до конца XVIII в. на основании структуры и содержания сохранившихся рукописей.

Ключевые слова: Законник Стефана Душана, Сокращенная синтагма Матфея Властара, Закон Юстиниана, Сербская православная церковь.

Законник Стефана Душана нередко связывают не только (как правило, среди непосвященных, но и в кругах историков, даже медиевистов) исключительно со Средневековьем, с периодом Сербского царства. Тем не менее эра Законника Душана, выходя далеко за эти хронологические рамки, простирается до конца XVIII века, а благодаря научным исследованиям – до настоящего времени (библиография о Кодексе Душана: [14]; новейшее издание: [2]).

На державном Соборе в Скопье в день Вознесения, 21 мая 1349 г., в присутствии семьи правителя, патриарха Иоанникия, церковных сановников и крупной и мелкой властелы был провозглашен Законник царя Стефана Душана (ЗСД). В его состав вошло 135 отдельных положений, первым из которых было царское повеление о законодательной работе. Тогда на самом деле была принята его основная, первая, часть, которая была дополнена менее, чем пять лет спустя, то есть в 6862 году по византийскому календарю, что соответствует периоду с 1 сентября 1353 г. по 31 августа 1354 г. н. э. Результатом изменений, произошедших после 1349 г. из-за труд-

ностей, возникших в применении некоторых статей Законника, или необходимости заполнить пробелы, допущенные первыми его составителями, стало принятие свыше 60 новых законов, то есть новелл. Многие из законов, вошедших во второй Законник, принимались постепенно после 1349 г., как того требовала необходимость. Это с уверенностью можно отнести к ряду статей, связанных одной темой, с повелительным изречением в начале: «*Повелѣва царство ми*» (статьи о приеме чужих зависимых людей (ст. 140 и 141), о наказаниях разбойникам и ворами (ст. 145–150), о клятвенном суде (пороте) (ст. 151–154), о силе закона (ст. 171 и 172), о первостепенном и царском суде (ст. 181–183)).

Сохранившиеся списки Законника Стефана Душана – наилучшее свидетельство его истории. Древнейшая, только фрагментарно сохранившаяся рукопись с текстом Законника Стефана Душана (см. *Стр*) написана в последнее десятилетие XIV в. От XV в. остались пять рукописей: *Атн*, *Стд*, *Ход*, *Хил* и *Бис*, а от XVI в. – две: *Бар* и *Прз*. К XVII в. относятся три рукописи: *Шши*, *Рав* и *Рак*, в которых сохранилось повеление царя Душана.

Наибольшее число списков переписано в XVIII в. – 13 (*Пат, Бор, Пон, Тек, Сан, Ков, Соф, Бгд, Реж, Кар, Ври, Рум и Грб*), а *Бос* и *Јаг* – в следующем столетии, хотя их источник предположительно относится также к XVIII веку. Рукописи, датируемые до конца XVII в., за исключением *Рав*, составляют так называемую старейшую редакцию Законника Стефана Душана. Они в большей или меньшей степени отражают состав, порядок статей и стиль утраченного оригинала Законника, как и более поздние кодификаторские и редакционные обработки, проведенные в период Сербского царства или в областях и государствах, возникших на его территории. Остальные рукописи содержат младшую редакцию, об отличительных особенностях которых пойдет речь далее [28].

Как следует из этого обзора, не сохранилось ни одного списка Законника Стефана Душана времени Сербского царства, не говоря уже о самом оригинале – ни специальной рукописи первого Законника 1349 г., который должен был распространяться для использования, по крайней мере, до 1353–1354 годов, ни рукописи новых законов, поскольку первоначально их обнародовали отдельно, ни единого правового сборника, составленного из обоих законников, когда внесли изменения в первый. Между тем нет определенного ответа на вопрос, произведено ли изменение порядка статей и их перегруппировка вокруг одной темы уже во время составления первого Законника (этой же позиции придерживался А. Соловьев [18, с. 352–358]) или же, самое раннее, во время его дополнения, когда некоторые его положения могли быть переформулированы. *Бис* может восприниматься как возможный потомок этой версии рукописи, потому что здесь все изменения в порядке статей ограничены первой частью Законника. На эту возможность указывает и фрагментарно сохранившийся *Стр* не только изменением порядка статей, судя по сохранившейся части текста первого Законника, но и потому, что начало новой части Законника не отмечено точной датой, как в других рукописях (кроме *Стд*), которая представляет собой выборку постановлений Законника, а без особых указаний продолжает текст первой части. Таким образом, можно предположить, что

эта версия переписана с уникального рукописного образца 1353/54 г., который включает в себя и изменения в первой части Законника. Остается, очевидно, еще одна возможность – при провозглашении новеллы 1353/54 г. были добавлены только новые постановления без соответствующих изменений в первой его части. Однако выдвигание этих возможностей не приближает нас к ответу на вопрос, все ли сохранившиеся списки происходят от обновленного сборника 1353/54 г. или между ними имелись копии, состав и содержание которых образованы в результате механического объединения двух частей Законника независимо от того, менялась ли первая его часть до внесения новых законов или нет. О *Прз* можно с достаточной уверенностью сказать, что первая часть Законника вошла в него без изменения в порядке и содержании отдельных предписаний, она была дополнена путем механического соединения со второй частью Законника, или же во время обновления сборника изменения не были внесены в первую часть.

Большинство рукописей старейшей редакции содержит списки еще двух правовых текстов – Сокращенную синтагму Матфея Властаря с правилами св. Иоанна Постника [31, Приложения, с. 95–203] и Закон Юстиниана (законодательную компиляцию, созданную путем перевода на сербский язык предписаний из различных византийских сборников права, преимущественно из Земледельческого закона) [9]. В рукописях они всегда располагались перед Законом Стефана Душана. Такой трехчастный кодекс обычно называют Законодательство Стефана Душана, хотя нет прямых доказательств того, что еще при жизни Стефана Душана эти три правовых текста были объединены в один законодательный свод. Фактически, ни одна из рукописей, в которой записаны все три текста, не старше первой четверти XV в., а самая старая рукопись сербского перевода Синтагмы Матфея Властаря, на основе которого создана ее сокращенная версия, восходит к последней четверти XIV в., ко времени примирения Сербской и Вселенской патриархии [3, с. 727–729]. Другими словами, пока не будут найдены прямые доказательства того, что Синтагма Матфея Властаря была переведе-

на с греческого языка на сербский не позднее конца первой половины XIV в., мы не можем с полной уверенностью утверждать, что ее сократили юристы времен Стефана Душана или что целью этого перевода был сборник законов с Законом Юстиниана и Законником Стефана Душана.

Таким образом, предположения и убеждения современных исследователей, построенные на основании рукописного «окружения» старшей редакции, не позволяют последовательно судить о том, какова была первоначальная редакция Законника. Так, фактически остается возможность, на которую указал Стоян Новакович [12, с. XXXIII–XXXIX], что составление трехчастного сборника законов является результатом кодификационных усилий первой половины XV века. Они, наряду с изменениями структуры и содержания текста самого Законника, служили убедительным доказательством его регулирования под потребности и для бенефициаров, отличных от тех, которых первоначально имел в виду законодатель. Иными словами говоря, инициатива присоединения Сокращенной Синтагмы Матфея Властаря и Закона Юстиниана к Законнику Стефана Душана могла исходить не от названного законодателя, а от бенефициаров тех правовых текстов. В пользу предположения о том, что первые два памятника первоначально входили в отдельный сборник, возможно, говорят семь рукописей, в которых Сокращенная Синтагма и Кодекс Юстиниана, или только Сокращенная Синтагма, были переписаны отдельно, без Законника Стефана Душана [3, с. 731–732]. Однако если принять во внимание, что ни одна из рукописей неполного Законодательства Душана не старше XVI в., возможно, что Сокращенная Синтагма и Закон Юстиниана в этих рукописях отделены от Законника Стефана Душана.

Государственный строй и социальная среда, в которых был составлен и должен был применяться Законник, просуществовали недолго. Уже при наследнике Стефана Душана начался распад государства, а «тихая и спокойная жизнь», к которой царь стремился, опираясь на Законник, уступила свое место «злобе и жестокой вражде». Очень часто возникает вопрос о том, сколько на самом деле было времени и возможностей для воплощения

предписаний Законника в жизнь с тем, чтобы они начали формировать образ мыслей и поведение современников, и для попытки приблизить государство к идеалу, провозглашенному в царском указе с Законником Стефана Душана. Ответ на этот вопрос дал бы представление о том, насколько вообще допустимо рассматривать Законник как источник, и возможно ли с помощью его норм пытаться реконструировать общество времен Сербского царства. Доказательства применения Законника, пусть и малочисленные, можно найти, но это не единственное средство, которое позволяет перенести его постановления из области декларативного в реальную жизнь.

Можно сказать, что так Законник дает нам возможность на нескольких страницах посмотреть не только вперед, во временном смысле, но и назад. Законодатель выбирал положения, актуальные для времени принятия Законника, положения, которые должны были узаконить основы порядка в государстве и обществе, положения, которые предлагали решения для наиболее острых проблем в общественных отношениях. Содержание Законника обогащали позитивные положения, выработанные на основе негативной юридической практики. Выбор юридических вопросов и начал их регулирования свидетельствует об обстоятельствах управления Душановой державой, о невзгодах, озаботивших царскую власть. Например, правила поведения монахов говорят именно о недисциплинированности в монастырях (ст. 14–19, 24б, 29 [2, с. 78–81]), а строгие указы об искоренении краж и разбоя, вошедшие во вторую часть Законника (ст. 145–150 [2, с. 105–106]), свидетельствуют об их распространенности в Душановом государстве, тогда как указы против католического прозелитизма (ст. 6–9 [2, с. 76]) в соответствии с документами того времени подтверждают нападки Римской курии на православие. Поскольку закон сформулирован так, что запрещает то или иное действие или поведение, то это с достаточной степенью уверенности можно рассматривать как свидетельство того, что такие явления известны в повседневной жизни. Статья 104 («И да се не наведе приставь на женоу . кьди нѣсть моужа дома» [2, с. 95]) или статья 120 («Царин'никь царевь . да нѣсть вольнь забавити . или

задръжати тръгов'ца . да мѣ кѣплю кою продасть оу бесцѣнїе» [2, с. 99]) говорят о том, что в описанных случаях чиновник или таможенник позволяли себе такое поведение, которое закон стремился искоренить. И наоборот, нормы обычного права, получившие в Законнике официальный статус, конечно, идут из далекой старины, равно как и из повседневной правовой практики.

Законник Стефана Душана был исключительно динамичным текстом. Так как мы можем выделить хронологически более поздние изменения и дополнения Законника и соотнести их с конкретными общественными условиями, то объем и природу этих изменений можно использовать в качестве объекта анализа. Судя по тому, что пропущено, мы можем объяснить, какие постановления в новых условиях утратили свою актуальность. Исходя из того, что было изменено, мы можем, например, проследить преобразования системы наказаний, ее облегчение или ужесточение. А устанавливая то, что переформулировано или содержит уточнения, мы можем видеть, каково было изначально значение двусмысленных или незавершенных предписаний. Таким образом, если мы не будем учитывать развитие текста Законника, то сможем применить некритично редакторские изменения, например, XV в., для реконструкции прошлого – середины XIV века. Именно поэтому важно распознавать слои текста и выделять те, которые содержат более поздние дополнения и изменения, и те, которые относятся к первоначальной версии текста.

Примеры применения Законника во время правления Стефана Душана можно найти в некоторых из его указов. Уже в торжественном хрисовуле, регламентирующем права и обязанности дубровчан в Сербском царстве, который был издан всего лишь спустя четыре месяца по вступлению в силу Законника, в сентябре 1349 г., нашли отклик закрепленные в ст. 118–122 Законника Стефана Душана постановления о неприкосновенности личности и имущества торговцев [21, с. 273–376]. Происхождение этих сведений несложно проследить, сопоставив соответствующие разделы названных памятников. Вот характерные отрывки текста Законника призренской редакции: «Тргов'ци кои гредѣ по цареви земли . да нѣсть вол'нь никои властѣлинь, или кои любо

чловѣкъ забавити по силѣ...» (ст. 118); «Скрьлата и малѣ и велике роуке потребна . тръгов'ци да гредѣ свободно бе-з-абавѣ по земли царства ми...» (ст. 119) (*Прз*, л. 146^r). Соответствующий отрывок повеления гласит: «Да гредѣ своими главами иманикъмъ своимъ . и ни хъ тръгов'ци с кѣплюмъ свободно бе-з-абавѣ по зем'ли царства ми и краккѣ . да имъ никтоу нищо не ѡзмѣ по силѣ ни забави . ни властелинь царства ми ни краккѣ . тѣмъ да ходѣ свободно» [22, с. 59–60]. (Соответствующий раздел почти дословно, как в остальном и все повеление, передается в грамоте царя Уроша Дубровчанам, изданной в апреле 1357 г. [22, с. 94]). Эта же грамота утверждает и уточняет предписание о запрете залогов из ст. 90: «Залогѣ коудѣ се ѡбрѣтаю да се ѡкоупи» (*Прз*, л. 142^v). Практика займа под залог драгоценностей у дубровчан, особо распространенная среди сербской знати и горожан, имела такой размах, что было недостаточно короткого прямого запрета в Законнике, и понятно, почему в повелении Дубровнику царь вернулся к этому вопросу, разделив его на отдельные пункты: «и ѡ сели напрѣда да не прѣиме ни ѡзмѣ ник'то залогѣ ни ѡ властелина царства ми ни краккѣ ни кога любо дръжаниа царства ми и краккѣ . к'то ли се ѡбрѣте ѡземь да залогѣ тѣзи поврати ѡпетъ . а за цю к прикъ да мѣ се тази кѣпла ѡпад'нѣ [...] И ѡще такози ш ними ѡглави царство ми цю сѣ залогѣ заложѣ кога любо мала и голѣма и-з-емлѣ царства ми и краккѣ да се нищѣ сѣдомъ и прав'домъ» [22, с. 64]. (И эти решения повторяются в грамоте Уроша [22, с. 95], но позже они не встречаются в повелениях сербских властителей и местных правителей, хотя все они, по сути, передают содержание повеления Душана 1349 г.) Грамота монастырю Св. Петра Коришского под Призреном, относящаяся к последним годам жизни Стефана Душана, перечисляет рабочие обязанности крестьян метохии так же, как и в статье 68 Законника.

Закон Стефана Душана, ст. 68: «Мѣроп'хюмъ законъ по в'сеи земли оу недели да работаю два дѣни прониароу . и да моу дак оу годици перьпероу царевоу . и заманицомъ да моу косе сѣна дѣнь кѣдинь . и винограда дѣнь кѣдинь. [...] и цю оу работа мероп'хъ този в'се да стежи...» (*Стр*, л. 4^r).

Повеление монастырю Св. Петра Коринфского: «И законъ метохии и в'сѣмь селомь светога Петра. кои к законъ поставило царство ми по всои землѣ да работаю всакъ ки к ѡдѣльнѣ два дъни оу неделѣ . и дънь винограда . и дънь сѣна. и цю пооре и покоси все да св'ръстоук и сьврши и оусипак» [17, с. 29].

Несколько оригинальных царских повелений содержат угрозу наказания, согласно предписаниям Законника, для того, кто нарушит положение указа. Простагма Хиландарскому монастырю о границе села Кунарне (15 ноября 1349–1353 гг.): «тко ли потвори . ѿ сихъ више писаннихъ . мало или много. да се распе и накаже по законникѣ . како и невѣрникъ» [11, с. 437]; грамота Хиландарскому монастырю о селе Карбинцы (июнь 1355 г.): «кто ли забави и потворить. да се распе и накаже како повелѣва законикъ царства ми» [11, с. 429]; грамота дубровскому торговцу Марою Гучетичу (5 декабря 1355 г.): «И сега да не потвори никто кто ли потворѣ да се распе и накаже по законикѣ царства ми» [22, с. 67]. Законник не упоминается в грамоте дубровчанам 1349 г., которая, без сомнений, опирается на него в формулировке ряда предписаний. Так, формула *да се распе и накаже* встречается в еще двух грамотах Стефана Душана. Одна из них, относящаяся ко времени до принятия Законника, выдана дубровчанину Марко Васильевичу 12 октября 1348 г.: «тко ли се кк за нихъ задети или потворѣти милость и записание царства ми да се распе и накаже и да ксть невѣрнъ царствѣ ми» [22, с. 58]. Вторая, касающаяся отмены таможи в Требинье, выдана тогда же, когда и уже процитированное повеление Дубровнику – 20 сентября 1349 г.: «...да потвори милость и за(писаник и)да се распе и накаже и да к невѣрнъ царствѣ ми» [22, с. 65]. Формула *да се распе и накаже* остается и после принятия Законника, только к ней добавлено *по законуку*, а упоминание (и приговор) виновного как «неверника» содержится в Хиландарском повелении о селе Кунарне.

И если *расипање*, то есть изъятие всего имущества и обвинение в предательстве, грозило нарушителям царского указа и до принятия Законника, в нескольких царских повелениях это наказание встречается с отсылкой к Законнику. Проблема заключается в том, что

в тексте Законника Стефана Душана, согласно сохранившимся рукописям старшей редакции, наказание за оспаривание царских указов не определено. Статья 136, открывающая вторую часть Законника, предписывает обязательность соблюдения царских запретов, но не определяет меру наказания [2, с. 103, 201]. Более того, бесполезно искать в Законнике наказание за предательство, хотя сами его предписания приравнивают ответственность виновного за отдельный проступок к наказанию, предусмотренному за приверженность отступничеству: «да се каже како и невѣрникъ» (ст. 140, 141, 144); «да се кажоу како прѣслоушници» (ст. 129, 148, 178); «да се каже како прѣвѣгльць» (ст. 142). Может ли это служить доказательством того, что первоначальный текст Законника не остается нетронутым в сохранившихся рукописях? Или же наказание за предательство настолько укоренилось в обычном праве и юридической практике, что не требовало письменного уточнения? (А. Соловьев считал, что наказания за предательство нет в Законнике Стефана Душана, так как подобный проступок подробно описывается в Сокращенной синтагме Матфея Властаря, которая была частью законодательства Стефана Душана [18, с. 478–481]. Однако все постановления о предательстве в Сокращенной синтагме Матфея Властаря находятся в «Прохироне», который в сербском переводе доступен только в «Номоканоне Св. Саввы».)

Существуют явные доказательства того, что Законник оставался в силе и при наследнике Стефана Душана, хотя бы в первые годы его правления. Однако отсылки к Законнику для назначения меры наказания в грамотах царя Уроша имеет свои особенности. В грамоте Дубровнику о Стонской дани (24 апреля 1357 г.) устанавливается наказание в виде изъятия имущества, хотя ссылка на наказание, согласно норме Законника, остается неопределенной: «кто ли такови дрзнетъ ѡтнети и потворити сие записание царства ми [...] и ѡтъ царства ми да приметъ гнѣвъ и наказание по законикѣ царства ми» [11, с. 713]. При этом можно узнать юридический источник санкции, наложенной в повелении Дубровнику о свободной торговле, которое было издано в тот же самый день: «кто ли ино ѡчини ѿ властель царства ми а или ѿ владѣщихъ въ

земли царства ми. и потвори сик записаник и милость царства ми . и забави цю дѣбровчаномь да не продаю тръгове и кѣплю свою и да си кѣплю цю имь трѣбѣк . а или имь цю кто ѡзме да ми ксть невѣрнь ѡ невѣрно име и да плати все самоседмо цю имь бѣде стрѣль по законикѣ царства ми» [22, с. 92]. В продолжении, неожиданно и вопреки ранее цитированному предписанию, проистекает, что первичная ответственность за возмещение ущерба лежит на царе, который в последствии потребует компенсацию от ответчиков. Кроме следования общему духу статей 118–122 Законника Стефана Душана, посвященных защите и свободе торговли, в этом постановлении заметно влияние статьи 160, защищающей торговцев от воров и разбойников, при том что возмещение ущерба лежит на царе [2, с. 109]. Соответственно наказание в форме семикратного возмещения со стороны причинившего ущерб основывается на решении, вынесенном в статье 187: «цю боуде стрѣвено в'се да плати самоседмо» [2, с. 116]. Впрочем, наказание в размере семикратного возмещения или в виде изъятия имущества постоянно упоминается в Законнике (ст. 30, 93, 102, 143, 187, 193, 200) и, по крайней мере, согласно сохранившимся источникам, не ранее того. Поэтому я не ошибусь, если предположу, что на процитированные предписания Законника, хотя и без его явно выраженного упоминания, опирается и грамота царя Уроша, выданная дубровчанам по поводу конкретного случая притеснения торговцев Дубровника со стороны царского властелина Жарко (январь 1357 г.): «а за жарка цю ви ксть ѡзель [...] да ви га да царство ми да ви плати все самоседмо» [22, с. 98].

В обоих вышеупомянутых повелениях царя Уроша (изданных в том же 1357 г.), где для определения наказания стоят отсылки к Законнику, царь говорит о нем, как о своем («Законик царства ми»), а не о Законнике отца («Законик родителя царства ми»). Является ли это следствием простого заимствования канцелярской формы из формуляра канцелярии его отца или у Уроша были причины для «присвоения» Законника? Вторая версия может объясняться идеей, что Законник, как основной государственный законодательный акт, связан не только с личностью того, кто его принял, но и со статусом царя

как таковым, независимо от того, кто в данный момент занимает это положение. Однако известны косвенные свидетельства, позволяющие думать о том, что Урош не только унаследовал от своего отца готовый текст, но и в некоторых местах внес в него дополнения. На государственном соборе в Скопье 1357 г. царь Урош издал повеление, в котором имеются слова, указывающие на возможность того, что именно тогда он утвердил Законник отца: «иже все добръ ѡстрающѣ ми по законѣ ѡставленомѣ всечьстнаго з'бора . иже ѡ прежде господиномь и родителемь царства ми . светопочившимь царемь и иже ѡстави всакага правила. тази все ѡтверждаеть царство ми» [11, с. 310].

В конце *Рак* находится группа из 23 статей, в том числе статьи, которых нет ни в одной другой сохранившейся рукописи. Это дубликаты статей основного текста, которые, очевидно, переписаны в конце рукописи с другого образца, и еще две статьи (ст. 47 и 54), которых не хватает в соответствующих местах основного текста. Они расположены без связи с содержанием остальных предписаний, с которыми их формально объединяет заголовок, стоящий перед первым из них [*Рак*, л. 69^v–71^r; 30, с. 11–16]. Среди них находятся также предписания, в которых проявляются пары «царь» и «король», «царица» и «королева». Это дубликат ст. 81, где речь идет о планинах царя и короля, в то время как в основной версии упоминаются планины царя и церкви [*Рак*, л. 70^r; 2, с. 178], и *paragraphus unicus* (ст. 195), где упоминаются параллельно и царица, и королева [*Рак*, л. 70^v; 2, с. 223]. Слово «краль» встречается только в двух местах основного текста Законника, в статьях 43 и 136, и здесь оно приводится наряду с обозначением госпожи царицы, в первом случае – наравне со словом «царь» [2, с. 84, 103]. (Только «царь» и «царица» (без «короля») приводятся в ст. 140 и 187 [2, с. 104, 116].) Однако самостоятельная пара «царь» и «краль», а тем более «царица» и «королева» имеются только в перечисленных статьях Раковачской рукописи. Это явление наводит на мысль о том, что хотя бы некоторые из предписаний в конце названного списка относятся ко времени правления царя Уроша, так как во время правления Стефана Душана королевы не было. После нескольких безуспешных покушений на

его жизнь Урош женился только в 1360 г. [27]. Двойственность форм «царь» и «краль» можно было бы приписать времени совместного правления царя Уроша и короля Вукашина с (1365 г.), хотя оно существовало и утвердилось, будучи скорее формальностью, еще со времени восшествия на трон Стефана Душана. Это особенно очевидно в неоднократно упоминаемом повелении для Дубровника 1349 г., в котором последовательно подчеркивается параллелизм царской и королевской земли [26].

При жизни царя Уроша коренным образом начали меняться социальная среда и государственный уклад, для которых и был предназначен Законник. Все сложнее становилось соотносить предписания, основанные на социальных отношениях, власти правителя, единстве территории, центральном и местном управлении, международных отношениях, религиозных отношениях времен принятия и первых лет применения Законника с ситуацией, сложившейся в государственных образованиях областных правителей, поднявшихся на руинах Сербского царства. Явных отсылок к Законнику в повелениях областных правителей и, позднее, деспотов нет. Дух Законника все еще ощущается в отдельных указах, которые сербские правители издавали дубровчанам подобно сербским царям. Мера наказания за причинение вреда и кражу имущества торговцев определена в повелениях Дубровнику князя Лазаря и господина Вука Бранковича 1387 г. по принципу субсидиарной ответственности, в отличие от противоречивого повеления Уроша 1357 г. [21, с. 305]. Привожу соответствующий отрывок из наиболее полно сохранившегося повеления Вука: «И кѣде идѣ дѣбровчане по земли по мори с трьгома где га ѡбие гѣса или га покрадѣ ѡ селе да имь плати ѡколина цю имь ѡзме гѣса ил-и-мь се ѡкраде ако л-и-мь не плати ѡколина да имь плакю га влкѣ» [22, с. 138]. (Повеление князя Лазаря: [22, с. 121]. То же самое постановление повторяется в повелениях сербских деспотов Дубровнику [22, с. 152, 202; 23, с. 16].) Кроме статей Законника Стефана Душана, чье влияние на формулировки соответствующих пунктов повеления Уроша описаны ранее, прослеживается параллель со статьей 158 о коллективной ответственности окрестных сел за разбой и воровство, совер-

шенные на участках пути через незаселенные земли [2, с. 109, 210].

И если в повелениях не упоминается Законник, остается фактом то, что его переписывают, а это говорит о том, что он не утратил своего значения. В последнее десятилетие XIV в. создан *Стр*, из которого сохранилось всего 15 листов с едва ли более чем 100 статьями [2, с. 26–27]. Одним из его переписчиков был дечанский монах Данилац Левооки, который в 1394 г. переписал в монастыре, помимо прочего, проложный список по заданию епископа Варлаама и сборник творений Св. Отцов по заданию игумена Варлаама [32, с. 339–341, 354–355; 16; 13, № 52–54, 96]. Равным образом именно в это время (1397 г.) Данилац Левооки переписал на чистых листах так называемого третьего Дечанского хрисовула и грамоту монахини Евгении (княгини Милицы) для Дечанского монастыря [25, с. 199–200]. Вероятно, и Законник Данилац Левооки писал в монастыре и для нужд монастыря.

Старейшая сохранившаяся рукопись Законника Стефана Душана (*Стр*) уже показывает изменения в отношении первоначального порядка статей, который хорошо известен согласно *Прз* [21, с. 119–123]. Рукописи же первой половины XV в. содержат изменения и дополнения к тексту Законника Стефана Душана, что отображает его адаптацию к изменившимся правовым и социальным условиям, а также отвечает конкретным целям в сфере юрисдикции. Таковы *Бис*, *Атн*, *Хил* и *Ход* [21, с. 123–137]. Между тем появление рукописей с приметами «редакторской руки» в структуре и содержании отдельных предписаний не означает отход от той или тех версий, которые передавали содержание, порядок статей и дух Законника времени его провозглашения (*Стд*, *Прз* и *Рак*). Новая или новые редакции не приходят на смену старым, не делают их устаревшими и неподходящими для использования, более того, разные версии и далее сосуществуют и переписываются равным образом вплоть до важных редакторских изменений кон. XVII – нач. XVIII вв., которые затем породили младшую редакцию. Для всех этих рукописей характерно объединение Законника Стефана Душана с другими правовыми сборниками, из которых первыми непре-

менно являлись Сокращенная синтагма Матфея Властаря и Закон Юстиниана. В отличие от Законника, они демонстрируют консервативность текста, практически отсутствие изменений редакторского типа – пропусков, перемещений, дополнений – за исключением особой редакции Сокращенной синтагмы Матфея Властаря в *Стд* и *Рак* [35; 3, с. 730–731].

В языке и стиле измененных списков Законника прежде всего бросается в глаза титулование царя как законодателя. По примеру византийских царей Душан использует термин «царство мое» и вершит правосудие с помощью некоего рода непосредственного обращения к подданным. Во времена, когда уже не было ни царя-законодателя, ни страны, которой он правил, редакторы и переписчики, сообразно своему времени и правилам, переименовали стиль субъективных наименований в объективные, а именно заменили титулование «царство мое» на «царь», принимая этот термин как общее обозначение правителя. Благодаря такому своеобразному снятию ответственности с первого царя-законодателя Законник стал в большей степени царским правовым актом, в меньшей – личным царским указом Стефана Душана. Вот как это выглядит на примере сравнения статьи 181 в первоначальной стилистике *Прз* и в отредактированном стиле *Атн*:

Призренский список: «Повелѣва царство ми соудѣамъ . аще се оубрѣте велико дѣло . а не оузмогоу рассѣдти и расправити кои любо соудъ великъ боудѣть . да гредѣ ѿ соудѣи единь съ оубѣма онемази пьр'цема , прѣдъ царство ми» (*Прз*, л. 156^r).

Афонский список: «Повелѣнїе царско соудѣамъ . ако се оубрѣте велико дѣло . и не оузмогоу рассѣдти и исправити . кои любо сѣдъ великъ боудѣть . да гредѣтъ ѿ соудѣи единь , съ оубѣма онемази пьр'цема прѣдъ цара» (*Атн*, л. 241^r).

Однако вопрос изменения стиля совсем не так прост (об этом более подробно писал А. Соловьев [21, с. 106–110]). Нельзя провести четкую границу между рукописями, в которых используется прямое титулование, и теми, в которых используется не прямое. Из всех рукописей старшей редакции только в *Рак* последовательно используется не прямое обращение, но по содержанию и порядку статей воспроиз-

водится в основном первоначальная редакция! Расхождения в титуловании, которое говорит о царя, в полном объеме выражено только во второй части Законника. В *Стр*, *Стд* и *Прз* используется наименование «царство мое», в *Атн*, *Бис*, *Ход*, *Бар* и *Шии* апеллатив царь, а *Хил* обрывается на 125-й статье. В первой части Законника все значительно сложнее. Оба способа титулования встречаются не только в соседних статьях, но и в одной статье, и так почти во всех рукописях без исключений, кроме *Рак*. Обозначение «царство мое» встречается во всех рукописях в статьях 26, 30, 34, 35, 40, 42, 75, 81 (ст. 38, 39 есть только в *Прз*), а «царь» – в статьях 23, 25, 43, 45, 48, 49, 60, 66, 68, 77, 79, 83, 91, 103, 115–118, 120, 124, 129, 132–135 (ст. 51 есть только в *Бис*, *Стд*, *Прз*; ст. 72 – в *Стр* и *Прз*; ст. 121 – в *Бис*, *Стд*, *Прз*; ст. 128 – в *Стр*, *Бис*, *Прз*). Расхождения между рукописями и образцом, засвидетельствованные во второй части Законника, обнаружены в статьях 78, 101, 105, 110 (отрывок из *Стр*, в котором передано не прямое название (*Стр*, л. 9^v)), 112–114, 119.

Особо выделяется использование обоих обозначений царя в статье 81 во всех рукописях: «Планине цю соу по земли царства ми. цю соу планине царевѣ да соу цароу» [2, с. 91]. Отмечаются случаи и среди статей, в которых имеются расхождения, заключающиеся в том, что первоначальная версия не последовательна в использовании прямого обращения: например, статья 105 в *Стр* и *Прз* начинается с выражения «книге цареве», а в продолжении последовательно используется форма «царство ми» (*Стр*, л. 9^r; *Прз*, л. 144^r–144^v). В *Прз* в ст. 113 один раз встречается выражение дворь царства ми, а в другой раз – дворь царевѣ (*Прз*, л. 145^r). Когда мы сравниваем номера статей, в которых последовательно используется прямое или не прямое обращение, во всех рукописях можно выделить отрывки, в которых одна за другой стоят статьи с наименованием царя, выраженным одним из двух титулований. Группа статей 26, 30, 34, 35, 38–40, 42 содержит наименование «царство ми», а за ней следует группа статей 43, 45, 48, 49, 51, 60, 66, 68, 72, где используется титулование «царь». В группе статей 105, 110, 112–114 рукописи расходятся, а сразу после них следует ряд статей 120, 124, 128, 129, 132–135, в которых во всех рукописях

использовано не прямое обозначение. Что это? Доказательство применения множественных рукописных образцов, то есть слоев в рукописном наследии, или выражение разных стилизаций отдельных переписчиков?

Не очень убедительными остаются попытки объяснить выбор того или иного способа наименования содержанием, то есть темой каждого отдельного правила, тем более что подобной нюансировки нет во второй части Законника. Можно было бы с известной уверенностью выделить титулование, по которому царь упоминается не прямо, когда запрет относится к нему, обычно в выражении «да иѣсть вольнѣ (господинъ) царь» (ст. 43, 45, 48). Это подтверждает и тот факт, что такая формулировка сохраняется во всех рукописях и в определенных статьях второй части Законника наряду с прямым наименованием (ст. 137 и 140). Однако невозможно найти закономерность в чередующемся употреблении стили прямого и непрямого наименования для обозначения принадлежности царю в первой части Законника, во всех рукописях и даже в соседних статьях: двор царства моего / царев, земля царства моего / царева, закон царства моего / царев и так далее. (Произвольными кажутся объяснения А. Соловьева, который в выборе того или иного способа наименования царя в первой части Законника видит отражение вмешательства заинтересованных сторон в законодательный процесс. По трактовке А. Соловьева выходит, что все отрывки, в которых о царе говорится в третьем лице, приняты по инициативе знати или церкви [21, с. 108–110].) Во всех рукописях в группе статей с непрямым наименованием выделяются те титулы, в которых для обозначения царя используется титулование *господин царь* (ст. 25, 43, 45, 79, 117, 124, 128, 134). В конце концов, при нынешнем состоянии рукописной традиции Законника сложно дать логически последовательный и убедительный ответ на вопрос, почему только во второй измененной части последовательно выделяются две группы рукописей с точки зрения титулования царя. И эта загадка возвращает нас к поставленному в начале данного обзора вопросу о времени появления и формировании структуры списков Законника, которые дошли до наших дней.

Редакторы не стремились оставить предписания, которые со временем утратили бы свою актуальность. Такими были предписания, подтверждающие права, приобретенные до времени принятия Законника, например, статья 39, сохранившаяся только в *Прз* и *Рак*: «Властѣле, и властѣличикъи . иже се ѡбрѣтаю оу дръжавѣ царьства ми . срьблѣ и грѣцѣи, цю естъ комѣ дало царьство ми оу бащинѣ и оу хрисоволѣи , и дръже до снѣгази събора . бацине да соу твьрдѣ» (*Прз*, л. 136^f–136^v). Этот пункт имел вес во время правления Стефана Душана и в сербско-греческом царстве как дополнительная гарантия положения и привилегий византийской знати, которая присягнула на верность царю. По тем же мотивам принята и статья 124, и по той же причине она утратила свою действенность после смерти Стефана Душана: «Градѡвѣ грѣцѣи коехъ кѣтъ прѣемъ (рго прѣель) господинъ царь . цю имь кѣтъ оучиниль , хрисовѣлкѣ и простаг'ме . цю си имаю гдѣ и дръже до сѣгази събора . този да си дръже и да имь кѣтъ твьрдо , и да им' се не оузме ницо» (*Прз*, л. 146^v). Больше не было смысла оставлять в Законнике и переходные положения, например, статью 164, сохранившуюся только в *Прз*: «За людѣи кто боудѣ чѣга чловѣка прѣель прѣжде сѣга събора . да се нице прѣвѣимь соудомь , како пише оу прѣвѣимь закон'никѣ» (*Прз*, л. 153^v). Эта статья потеряла значение, когда с течением времени устарели обстоятельства принятия чужого люда до 1353/1354 года. Очевидно, что временная отдаленность списков от даты принятия Законника не обязательно соразмерна степени сокращения его статей, так как рукописи, в которых первоначальное содержание претерпело минимальные изменения, относятся к XVI в. (такие как *Прз*) или даже к концу XVII в. (как, например, *Рак*).

Кроме изменений, произошедших в результате сокращения содержания, не менее важны и те, которые отразились на систематизации. Ее первые попытки могли относиться и ко времени до обновления Законника в 1353/54 году. Пропуски и перемещения статей со временем на самом деле приобрели такой размах, что сегодня сложно с уверенностью восстановить первоначальный их порядок. Заметно стремление редакторов Законника к последовательному расположению юридичес-

ких статьей сообразно их тематической близости, чтобы создавать своего рода содержательные целостности, подчеркнутые общими названиями [21, с. 119–137; 7, с. 12–16]. Способы формирования порядка статей согласно названиям разделов так сильно различаются от рукописи к рукописи, что достаточно сложно указать на те, которые из них сохраняются от первоначальной версии Законника [29]. С другой стороны, одни и те же названия, повторяющиеся перед отдельными статьями или их группами, будучи разбросаны по разным местам в Законнике, по сути, представляли собой критерии выбора материала, его перенесения с первоначального места и объединения с предписаниями на одну тему под одним названием, расположенным в начале таким образом выбранной группы. При этом не нарушается принцип разделения Законника на две части: статьи не перемещаются из первой во вторую его часть и наоборот, кроме нескольких исключений в *Рак*. Все перестановки подтверждают данное предположение.

Вот несколько примеров. Название «**С** игоуменѣхъ» в первоначальной редакции объединяло статьи 14, 15 и 16 (*Бис*, л. 181^г) (возможно и статьи 17, 18 и 19, которые позже выделены с помощью названием «**С** калогирѣхъ» [29, с. 23]. В пользу этого говорит факт, присутствующий только в *Стр*, где статьи 14–19 объединены под названием «**С** игоуменехъ и ѿ калогирехъ» (*Стр*, л. 2^г). Затем речь об игуменах снова идет в статьях 35 и 36, и в начале этого раздела, который охватывал и статью 37 (об обязанностях митрополита и монахов, а не игуменов), стоит название «**И** еше ѿ игоуменѣхъ» (*Бис*, л. 184^в). (В качестве иллюстрации служит порядок статей и названий в *Бис*, так как названия в *Прз* являются результатом вмешательства переписчиков XVI в. [29, с. 12–17], *Стр* и *Стд* имеют пропуски части текста с группой статей 35–37, а *Рак* опускает последовательность статей 34–36 [2, с. 122–125].) В *Атн* и *Бар* группа статей 35–37 вставлена сразу после группы статей 14–16, и обе группы объединены названием, которое первоначально стояло перед статьей 14 (*Атн*, л. 211^г–211^в; *Бар*, л. 127^в–128^г). Интересно, как на редукцию тех же заголовков влияло изменение места статей 95а и 95б, которые в первоначальной версии сле-

довали друг за другом, словно особые предписания, но позже получают общий номер, так, как в редакции *Прз*, которая послужила основой стандартной нумерации, укоренившейся в науке и широко используемой; они объединены в одну статью. Обе статьи касаются духовного лица: первая говорит о наказании за его оскорбление и называется «**С** п'сости», а вторая – о наказании за его убийство и носит название «**С** оубиствѣ», которое также является названием последующей 96-й статьи, посвященной наказаниям за убийство в узком кругу семьи [2, с. 93–94, 132–133]. С другой стороны, статьи 50 и 55 о взаимных оскорблениях, касающиеся представителей разных общественных слоев, в большинстве рукописей расположены одна за другой под общим заголовком «**С** п'сости» [2, с. 85–86, 126–127]. В *Атн* и *Бар* эту пару дополняет статья 95а, которая из-за того лишается своего первоначального заголовка (*Атн*, л. 216^в; *Бар*, л. 132^г). Кроме предшествующей группы, включая статьи 95б, 96 (*Бис*, л. 193^г) в первоначальной версии, заголовок «**С** оубиствѣ» имеется еще в двух местах – перед группой статей 87, 86 (которые ошибочно поменяли места в *Прз*, а следовательно, нумерация создает ошибочное впечатление обратного порядка; в *Атн*, *Бис*, *Бар* они объединены в одну статью) (*Бис*, л. 191^в) и перед статьей 94 (*Бис*, л. 192^в). Все эти предписания редактор Афонско-бараньской версии объединил в одну группу (ст. 87, 86, 94, 95б, 96) с общим первоначальным заголовком (*Атн*, л. 223^г–223^в; *Бар*, л. 137^г–137^в).

В рукописях и группах рукописей распознаются пропуски и перестановки фрагментов текста, допущенные по различным побуждениям и целям, но можно найти и связи, в которых различима поступательность сокращений и систематизации. Своего рода смычкой между рукописями, которые не слишком далеко отошли от первоначальной версии, и теми, которые претерпели заметные изменения, является *Бис*. В ней, например, остались статьи 51, 106 (о царском дворе), 117 (об имущественных правах в новоосвоенных византийских областях), 121 (лишний раздел относительно предыдущей и последующей статьи), 124 (о греческих городах), 128 (о женитьбе царевича), которые, утратив свою актуальность, не сохранились в Афонско-бараньской версии. Группа

рукописей *Хил*, *Ход* и *Шииш*, опирающихся на *Бис*, идет еще дальше в сокращении и пропусках статей 44, 46, 48, 49, 54, 57, 60, 83, 84 и так далее. Группа статей 35–37 сохранилась в *Бис* на своем первоначальном месте (вслед за ней и в *Хил*, *Ход*, *Шииш*), а в *Атн* и *Бар* перемещена на место сразу после статьи 16 (см. предыдущий абзац). Группа статей 31, 65 с заголовком «**С** поповѣхъ» следует за статьей 30 в *Бис* (*Бис*, л. 183^г), что повторено и в *Хил*, *Ход* и *Шииш*, а в *Атн* и *Бар* она перемещена на место после статьи 34 (*Атн*, л. 214^г; *Бар*, л. 130^г). С помощью перемещения в *Бис* сформирован ряд статей 50, 55, 53, 54, 49, 51, 52 (*Бис*, л. 186^в–187^в). В *Атн-Бар* отсутствует статья 51, а после статьи 55 добавлена статья 95а (*Атн*, л. 216^в–217^в; *Бар*, л. 132^г–132^в), в то время как в *Хил*, *Ход*, *Шииш* отсутствует группа статей 54, 49, 51 (*Хил*, л. 112^в–113^г; *Ход*, л. 90^г–90^в). Согласно первоначальному порядку, сохранившемуся в *Бис*, после заголовка «**С** татѣхъ и гоусарѣхъ» шли статьи 145–147, затем же стояла статья 148 под названием «**С** соуднахъ», а потом снова заголовок «**С** татѣхъ и гоусарѣхъ» располагался перед статьями 149 и 150 (*Бис*, л. 200^в–202^г). Согласно ранее описанному и проиллюстрированному принципу, не только в рукописях *Атн-Бар*, но и в *Ход* и *Шииш*, где до того времени соблюдалась формальная организация текста, как в *Бис* (*Хил* прерывается на статье 125), статьи 149 и 150 перемещены и поставлены после статей 145–147 под общим названием (*Атн*, л. 232^г–233^в; *Бар*, л. 144^г–145^г; *Ход*, л. 97^г–97^в).

В конце концов, изменения кодификации проводились для того, чтобы постановления, которые были двусмысленно или неточно сформулированы, получили улучшения, дополнения и изменения в соответствии с социальными переменами и сопутствовавшей им юридической практикой. Наказания за одни преступления облегчались, а за другие – ужесточались. Статья 97 в *Стр* предписывает: «Кто се оверѣте оскоубъ брадѣ властелиноу или доброу чловекоу да се томоузи овѣ рѣцѣ ѡсекоу» (*Стр*, л. 8^г). Борода была символом человеческого достоинства, так что дернуть за бороду знатного или уважаемого человека считалось особо тяжким оскорблением, за которое, по первоначальной версии Законника, уличенные преступники могли быть осуждены на отсечение

обеих рук, как и за преднамеренное убийство. При пересмотре Законника это наказание смягчили, заменив его отсечением одной руки: «да се томоузи роука ѡсѣче» [*Атн*, л. 224^в; 2, с. 94, 183–184]. Статья 131 также изменена с целью смягчения наказания. Допускается, что конфликт между двумя воинами в походе может решиться поединком, но при этом должны быть предприняты жесткие меры по предотвращению перерастания поединка в массовую драку. Первоначальная версия предписывает смертную казнь для ее зачинщиков: «...Ако ли тко потече и поможе на поир'вицоу ѡнъзи да се оубию» (*Стр*, л. 10^в). Однако это наказание заменили на телесное наказание – отсечение руки, вероятно, руководствуясь принципом, что лишают того органа, которым было совершено уголовное преступление: «да се кажоуть . рѣцѣ да им' се оуѣскоутъ» [*Атн*, л. 229^г; 2, с. 101, 197].

Изменения статьи 99, определяющей наказание для пиромана, идут в обратном направлении. По первоначальной версии для поджигателя, устроившего пожар в селе, предписана коллективная ответственность села. Если же поджигатель не был найден и передан суду, село должно было возместить ущерб, причиненный поджигателем (*Стр*, л. 8^г; *Прз*, л. 143^в). Из этого следует, что обвиненный пироман должен был возместить ущерб, нанесенный пожаром. После пересмотра Законника, в соответствии с византийским законодательством, было введено строжайшее наказание – сожжение для умышленного пиромана, которого поймали на месте преступления: «да се пожеж'ца тѣзи иждеже на ѡгни». Если же его не поймали при поджоге, то село должно выдать преступника и возместить ущерб [*Атн*, л. 224^в; 2, с. 94, 184–185].

Все перечисленные изменения можно было бы приписать ревизии, поводом для которой предположительно стало соединение Сокращенной синтагмы Матфея Властяря и Закона Юстиниана, тогда как изначально их переписывали отдельно, в один сборник с Законником Стефана Душана, с которым их впоследствии более не разделяли. Об этом свидетельствует пропуск статьи 109, запрещающей деятельность колдунов и знатоков ядов, которая относительно меры наказания отсылает к Номоканону: «Маг'иниикъ и ѡтровниикъ

КОН СЕ НАИДЕ ОБЛИЧНО . ДА СЕ КАЖЕ ПО ЗАКОНЪ СВЕТИХЪ ОТЬЦЬ» (*Прз*, л. 144^v). Со всей уверенностью можно говорить, что эта статья стала излишней, когда Сокращенная синтагма Матфея Властаря, Закон Юстиниана и Законник Стефана Душана были объединены в один трехчастный кодекс, так как глава М–1 Сокращенной синтагмы Матфея Властаря содержит меры наказания за колдовство и отравление [31, Приложения, с. 181–185], а Правила Св. Иоанна Постника дают наказания для кающихся, которые совершили подобные проступки [31, Приложения, с. 223].

Как увеличивались наслоения времени в сравнении с оригиналом в новых списках, так и окружающая действительность, в которой они родились, уходила все дальше от той, для которой первоначально и был предназначен Законник. Росло число его промежуточных версий, а с ними и вероятность ошибки из-за невнимательности и непонимания. Они нередко вели к далеко идущим изменениям, которые были узаконены в дальнейших списках, так как понятия и слова другого времени, неизвестные переписчикам или заказчикам их работ, заменялись на те, что больше отвечали потребностям среды и смыслу распоряжений, каковые вводили в каких-то из звеньев цепочки переписчиков. Если к разделявшей их временной и культурологической дистанции добавить пространственную, в равной степени ответственную за изменения языка, за привнесение диалектизмов, не стоит удивляться и сомневаться в том, что списки Законника XVIII в. произошли от того же документа, что списки тремя веками их старше.

Такие изменения лучше всего отражает *Рак*, переписанный в самом конце XVII в., хотя он и относится к группе рукописей, более близких по структуре и самому тексту к утраченному оригиналу. Иеромонах Пахомий, переписчик *Рак* или писец одного из его списков, стремился приблизить средневековые понятия к своему времени, заменяя устаревшие и незнакомые термины и упрощая язык. Результат нередко предопределяло непонимание, а иногда способность уловить значение незнакомого слова в контексте. В этом плане не было последовательности, поскольку в некоторых предписаниях устаревшие выражения заменены на более современные, а в других оставлены

прежние. Примером служит неизвестное тому понятие «логофет» (старейшина царской канцелярии), так что в статье 25, где из текста невозможно понять, каков род его занятий («Црьквами да овлада господинь царь, и патрїарха и логофеть, а инь никто» (*Прз*, л. 134^v)), термин передан в форме «логоветь» (*Рак*, л. 55^v), потому что в прототипе стояло слово «логофеть», которое, наряду с формами «логотеть», «логофеть», было принятой формой написания этого существительного в старосербском языке. Но в статье 134, где определено вознаграждение логофета за редактирование и обнародование царских хрисовулов, его работа, как посчитал Пахомий, связана с написанием документов, поэтому он назвал логофета «писарь» (*Рак*, л. 64^v). Используя этот же подход с относительным успехом, писец «*Рак*» в статье 94 передал понятие «катвнь» как «шаторь» («шатер, палатка». – Ю. В.), что и было одним из его значений в то время (*Рак*, л. 61^r); понятие «свжьнь» в статье 113 заменил турцизм «тоуцакь» (*Рак*, л. 62^v), а понятие «завьль» в ст. 74 – понятие «жито» (*Рак*, л. 59^r). Средневековое понятие «завьль» («домогательство») Пахомий один раз, в статье 119, перевел как «соумнение» (*Рак*, л. 63^r), а в статье 160 – как «злова» (*Рак*, л. 67^r). Оба раза редактор следовал контексту, но только во втором случае он приблизился к реальному значению. Жупу (обозначение единицы административного деления в средневековой Сербии) в статье 94, где подчеркивается ее отличие от города, Пахомий меняет на слово «полю» (*Рак*, л. 61^r); в статье 127, где жупа обозначена как пригородная область, он использовал турцизм «вилаеть» (*Рак*, л. 64^r); а в статье 176 оставил оригинальный термин (*Рак*, л. 68^v). Редактору не известна старая форма Тв. пад. мн. ч. имени существительного «стапъ» («дубина, палка») в форме «стапїи», и принимая во внимание то, что этот термин употребляется в статьях, устанавливающих наказание в виде побоев палками, Пахомий подумал, что это искаженная форма мн. ч. имени существительного «стопа». Так, вместо фразы «да се бїе стапїи», то есть «бить палками», в статье 50 оказалось «да се бїю стопи его» (*Рак*, л. 57^v), то есть «бить его стопы», а в статье 166 редактор пошел дальше – «да се бїе по табани» (*Рак*, л. 68^r). Причастие «гоушено» означает отнятое в разбойничьем нападении,

от глагола «гоуцити» («разбойничать»), от которого образованы и существительные «гоуцарь» («разбойник») и «гоуца» («разбой»), а писарь *Рак* трактует его как причастие глагола «гоушити» («душить»), и заменяет в статье 180 синонимом «оудав'лкно» («удавленное») (*Рак*, л. 61^r).

Самое раннее во второй половине XVII в. появилась особая редакция законодательства Стефана Душана, наиболее полная по количеству сохранившихся рукописей (целых 16), с интересными особенностями состава и языка. Так называемую младшую редакцию представляют не поздние списки без юридической силы, а переработки, созданные, наиболее вероятно, под эгидой Сербской православной церкви с целью использовать авторитет светских царей и репутацию Законника, чтобы перестроить его структуру и использовать Законник для регулирования тех юридических отношений, которые церковь и представители самоуправления еще сохранили под чужой властью. Наиболее заметное отличие рукописи младшей редакции – это перераспределение текста свода трехчастного состава (Сокращенная синтагма Матфея Властаря, Закона Юстиниана и Законника Стефана Душана) в двухчастный, так называемый Закон Константина Юстиниана, или Книгу судей, и Законник македонского царя Душана. В содержании Законника Стефана Душана произведено новое сокращение статей, потерявших свою актуальность, стиль и язык модернизированы, а сами предписания часто даны в новой формулировке или расширены так, чтобы сделать их ближе к пониманию людей и реалий XVII и XVIII веков. Сокращенная синтагма как отдельная часть сборника законов опущена, а большинство ее постановлений включено в состав Книги судей и Законника Стефана Душана. Заголовок Книги судей, согласно редакции *Тек*, гласит: «благочыстываго и христолюбываго съмодржавнаго вѣликаго цара константина юстиниана, грчаскаго съ светѣшимъ патриархомъ кѣрь григориемъ: съ кнези и са вѣлможѣ и са боляри благочастиваго царьства его въ константинополи» (*Тек*, л. 1^r). Облик старины и неприкосновенный авторитет правоверных царей требовали и использования имен Константина Юстиниана, и ссылок на византийское происхождение закона, тогда как патриарх Григорий упо-

мянут там по аналогии с появлением имени патриарха Иоанникия в Законнике Стефана Душана. В этих обращениях проглядывает стремление подчеркнуть роль патриарха в законодательной деятельности [28, с. 93]. Согласно заголовку Законника Стефана Душана в некоторых рукописях – «благочыстываго и христолюбываго ' македонискаго цара Стефана срьбьскаго вл'гар'скаго ' оугар'скаго ' дальмат'скаго ' арбанаскаго ' ъгровлахѣискаго ' и инимъ многимъ прѣделомъ и землѣмъ самодрѣж'ца... Законъ и ѡставъ» (*Ков*, л. 62^r) – Душану принадлежит власть над всеми теми областями, над которыми на рубеже XVII – XVIII вв. сербский патриарх имел реальную или номинальную юрисдикцию, а атрибут «македонский» Стефан Душан получил, вероятно, по названию территории, на которую простирались центральные области его царства.

В сербском Приморье Законник использовался до конца XVIII века. В территориальных, политических и экономических автономных объединениях (Паштровичи, Грбаль) с традиционным обществом, в котором обычное право играло исключительную роль, Законник был переработан и в большой степени приспособлен к образу жизни и судопроизводству, как и к разговорному языку. Поэтому не случайно, что в полной рукописной традиции Законника четыре рукописи происходят из Приморья – *Режевиѣки* (найденная в монастыре Режевич), *Грбальски* (по названию Грбальской жупы), *Јагичев* и *Богишичев*. Провинциализмы, в особенности романизмы, – отличительная черта этой группы рукописей. Вот несколько примеров из *Грб* и *Реж*:

- авизат* (ven. avixar, vixar) – «оповестить»;
- дешнек* (ven. despeto) – «злоба, злость»;
- интрада* (ven. intrada) – «годовой доход с земли одного хозяйства, прибыль»;
- комун* (ven. comun) – название какого-либо вида коллективной собственности (прилагательное «коммунальный»);
- канаја* (ven. canagia, canaja; it. canaglia) – «негодяй, подлец, мошенник»;
- на посту* (ven. aposta, it. apposta < a posta) – «намеренно, с определенной целью»;
- прокарадур* (ven. procurador) – «представитель, агент»;
- редитат* (ven. reditar, it. ereditare) – «наследовать»;

стађун од рабоге (ven. stajon, staxon; it. stagione) – «рабочее время», время работы в поле («урок». – Ю. В.);

чардин (ven. jardin, hardin; it. giardino) – «сад»;

шпоркеца (ven. sporcheso, sporchezza) – «грязь»;

штролиге (ven. strolego) – «колдовство» астролога;

шубито (ven. it. subito) – «сразу». (Примеры из Законника Стефана Душана [8], а примеры из Книги судей по кн.: [19, с. 55–60; 36, S. 13–23].)

Из всех рукописей младшей редакции, не только сербского Приморья, *Реж* отличается тем, что впоследствии эта редакция ушла наиболее далеко в адаптации к языку и обычаям среды, в которой применялась. Среди многочисленных сохранившихся судебных актов из Паштровича найдены те, что свидетельствуют о судопроизводстве согласно постановлениям Законника [20]. Язык *Реж*, с многочисленными романизмами и провинциализмами, представляет собой очень ценный пример сербского разговорного языка в Паштровиче первой половины XVIII века. Судя по формулировке постановлений о церкви, очевидно, что этот список Законника появился и использовался в исключительно православной среде. И, помимо явно выраженного народного языка свободных парафразов, не нарушен основной, первоначальный смысл постановлений. Вот что гласит статья 152 старейшей редакции (согласно *Атн*) в *Реж*:

Афонский список: «*Како ксть биль законь , оу дѣда царева њ светаго крапа . да сѡ велѣимь властеломь , велѣи властеле порот'ци . а срѣднѣимь людемь противѡ ихъ дрѡжина . а себрѣдинамь нихъ дрѡжина да соу порот'ци . и да нѣсть оу поротѣ родима . ни пизматара*» (*Атн*, л. 234^v).

Режевичский список: «*тако е речено да веѡи господи веля господа кмети а главарима главари а простоме прости и ѡ кметство да не интра приятеля ни роѡака толико ни пизматара*» (*Реж*, л. 16^r).

Другая важная область применения Законника окончательно обозначилась в кругах сербской иерархии и подданных Габсбургской монархии после Великого переселения сербов, в последнем десятилетии XVII – первые годы

XVIII вв. и, возможно, с поощрения сербского патриарха Арсения III Црноевича. Эта группа рукописей, условно называемая Карловацкой, по названию Карловацкой митрополии, где она появилась и использовалась, отличается: а) смешанным языком, в основе которого лежит сербский народный язык с примесями сербско-славянского в более старых списках и русско-славянского в более поздних; б) очевидным и ненамеренным перемещением статей, которое произошло из-за копирования оригинала с измененным порядком листов и продолжения нумерации по новому порядку статей; в) текстовыми дополнениями и архаизацией отдельных статей Законника Стефана Душана и включением в состав Закона Константина Юстиниана так называемого школьного устава и предписания о военной обязанности и измене, чье происхождение, без сомнения, берет начало не в Средневековье. Напротив, именно в кругах сербских церковных иерархов в Габсбургской империи следует искать источник этих дополнений. Краткие их части не оставляют место сомнениям: «В каждом городе, поселении и селе, где имеются церкви, нужно строить и училища, то есть школы, чтобы православные дети учили Святое Писание и Закон Божий... А затем по городам и поселениям цари и князья и все бояре пусть велят философам и ученым дидакалам учить детей всякой книжной премудрости...» [9, с. 104]. Или: «И пусть воины учатся всякому искусству, и мудрости, и добродетели, а больше всего пусть охраняют Святую православную веру нашу... и своих капитанов и воевод пусть чтят и их боятся. Своего царя как Бога на земле пусть чтят» [9, с. 107]. Здесь, понятно, имеется в виду правитель Габсбургской монархии.

Как в ранее приведенных примерах, в Карловацкой версии младшей редакции Законника Стефана Душана писари и заказчики списков стремились приспособить текст к знаниям и нуждам своего времени. Это особенно отобразили понятия и даже целые предписания, которые им были неясны. Средневековый термин «*пѡносъ*», в значении обязанности зависимого населения переносить поклажу и перевозить властителя, его чиновников и знать, не был известен людям XVIII в., также как, вероятно, и смысл всей 23-й статьи от них ускользал. Первоначальный текст

Афонского списка «Цръквѣмъ поноса да нѣсть . развѣ къда гредѣ камо царь . тѣдази да га дижоу» [Атн, л. 212^v; 2, с. 80] в Карловацкой версии младшей редакции так изменен так, что получил полностью иной смысл, но при этом оказался применим к реалиям того времени: «Цръквѣмъ да не чинет' се досаде ни оть кога , разъма кадь има доѣи тамо царь , тада да чьствно его приемлють» (Ков, л. 86^v). Причина такого изменения видится в возможной семантической связи между именами существительными *понос* и *досада*. Согласно одному из толкований, вторичное значение имени существительного *понос* по существу соотнесено с первичным значением имени существительного *досада* («поношение, оскорбление, домогательство») [15]. Их соотношение значило и расширение смысла, как в статье 107. В старейшей редакции (по Атн) она гласит: «Кто се наиде отьбывъ соудина посылника . или пристава . да се пѣни . в'се да моу се оузме що има» [Атн, л. 225^v; 2, с. 96], а в Карловацкой версии (по Ков): «Ище кто самоволянь и силань и безъобразань оубезчастить посланика господьскаго да платитъ ꙗ: пер'перь , ище ли ѡдарить его тѣмъ насил'никъ вьсего своего да лишитъ се» (Ков, л. 94^v–95^r).

Законник должен был не только предоставлять материалы позитивного права, но и самим своим существованием и авторитетом подтверждать яркие традиции средневекового государства в соответствии с тяготением сербских ученых эпохи Барокко к историзму. Как своеобразная хрестоматия, Законник в ряде рукописей обогащен текстами сербских летописей [1]. Фактически, эта роль Законника ближе к концу XVIII в. постепенно взяла верх над правовым, практическим его значением. Самая младшая из сохранившихся рукописей Карловацкой версии, *Вриш*, переписана протодяконом Иваном Фелдвари по поручению карловацкого митрополита Йована Георгиевича, «за воспоминаніе древности». Список был завершен 1 мая 1772 г. и «приложенъ во вивліотеку Архієпископскую» [8, с. 451]. Инициатива архиепископа по созданию рукописи и ее передаче в фонды архиепископской библиотеки в Сремских Карловцах не была связана только лишь с его заботой о просвещении и распространении письменного слова, но, в первую очередь, с выра-

жением усилий сербской церковной иерархии в Габсбургской империи, направленных к тому, чтобы утвердить сербскую государственно-правовую традицию и стремление к обновлению государственной самостоятельности. Собранные в рукописных сборниках сербская летопись и Законодательство Стефана Душана свидетельствовали об этом своим существованием, авторитетом и содержанием [10, с. 19–20, 99–100]. Карловацкая редакция была последним и наиболее плодотворным изданием Законника Стефана Душана, которое по языку и способу формулирования постановлений законов значительно отошло от своих средневековых корней, но именно от них оно получила свою жизнеспособность и значение.

Как же, однако, случилось, что, несмотря на преобладание младшей редакции в правовой и культурной жизни сербов XVIII в., до настоящего времени дошли рукописи и старшей редакции? В этом, по всей видимости, решающую роль сыграла церковь. Более трети содержания Законника составляют положения, прямо или косвенно связанные с вопросами Церкви. Она в отношении соответствующих предписаний Законника обладала двойкой функцией – Церковь не только применяла и защищала свои права, но должна была действовать и действовала согласно со своими обязательствами. Она, так сказать, находилась в положении и субъекта, и объекта Законника. Поэтому церковные учреждения и церковные иерархи должны были иметь экземпляр Законника, применять его предписания в рамках своей юрисдикции или доказывать и отстаивать свои привилегии и права [4]. Имеет свое значение и тот факт, что сокращение текста Законника, отмеченное в некоторых рукописях с XV в. как выражение приспособления к иным условиям применения, оставило нетронутыми те статьи, которые касаются Церкви. В этом плане можно найти конкретные поправки и дополнения в текстах отдельных положений (ст. 11, 13а, 18, 78, 101, и так далее).

Среду, которая использовала и сохраняла рукописи с Законником Стефана Душана, отображают правовые тексты, которые, конечно, не без причины, составлены с использованием его материалов. Это не только постоянный спутник Законника, Сокращенная синтагма Матфея Властаря, в которую вош-

ло более двух третей предписаний о судебных полномочиях Церкви [24, с. 192–193], а также измененные части сборников с догматическими и полемическими сочинениями, епитимийными номоканонами, компиляциями и выдержками из канонических правил и требника [3, с. 732–734]. Из всех рукописей законодательства Душана старшей редакции (полных и неполных) только *Стд*, *Бис* и *Рак* не включают себя дополнений церковно-правового характера. И хотя существует много причин полагать, что текст Законника Стефана Душана в сохранившихся рукописях старшей редакции содержит заметное количество особенностей утраченного оригинала, он используется в качестве опоры, вокруг которого собраны канонические и догматические разделы сообразно с потребностями пользователей, вероятно, для церковных судов и повседневной пасторской службы духовных лиц. Потому что, как свидетельствуют турецкие бераты (жалованные грамоты султана. – Ю. В.) о назначении сербских архиереев [4, с. 54, примеч. 27], Сербская церковь сохраняла полную или частичную судебную автономию в отдельных правовых областях и вопросах, для решения которых она могла опираться на юридические документы, содержащиеся в сборниках с законодательством Стефана Душана. Наконец, большинство рукописей, содержащих его законодательство, получило свои названия по наименованиям монастырей, в которых они были найдены или в собственности которых находились в течение какого-то времени [3, с. 734]. Тот факт, что списки Законника Стефана Душана находились и использовались в церквях и монастырях, позволило им сохраниться до настоящего времени. В этом, вероятно, и состоит наибольшая заслуга Церкви перед Законником Стефана Душана.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Перевод выполнила Е.В. Шатько; научное редактирование – Ю.Я. Вин, М.И. Дробышев.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АСВБ – Архив собрания Валтазара Богишича (Цавтат).

АХАЗУ – Архив Хрватской академии наук и искусств (Загреб).

БМС – Библиотека Матицы српской (Нови Сад).

НБС – Национальная библиотека Сербии (Белград).

РГБ – Российская Государственная Библиотека (Москва).

KNM – Knihovny Národního muzea (Praha).

СОКРАЩЕНИЯ

НАИМЕНОВАНИЙ РУКОПИСЕЙ ЗАКОННИКА СТЕФАНА ДУШАНА

Ати – Афонская рук. (*Атонски*): РГБ, Ф 87 (собр. Григоровича), № 28, М 1708, серб. яз., втор. четв. XV в.; по изд.: [5, с. 163–207].

Бар – Бараньская рук. (*Бараньски*): Универзитетска библиотека «Светозар Марковић», Београд, № 39 (К. И. 16285), серб. яз., перв. четв. XVI в.; по изд.: [7, с. 35–81].

Бгд – Белградская рук. (*Београдски*): Народна библиотека у Београду, № 38, серб. яз., до 1757 г., сгорела в 1941 г.; копия Јанка Шафарика 1847 г., KNM, IX G 9 (Š 18); по изд.: [8, с. 345–368].

Бис – Бистричская рук. (*Бистрички*): Государственный исторический музей, Москва, собр. Е.В. Барсова, № 151, серб. яз., сер. XV в.; по изд.: [6, с. 171–219].

Бог – Богишичевская рук. (*Богишићев*): АСВБ, № 123, серб. яз., с включениями русско-словенского, втор. пол. XIX в.; по изд.: [8, с. 485–502].

Бор – Борджошская рук. (*Борђошких*): БМС, РР III 2, серб. яз., ок. 1703–1710 г.; по изд.: [8, с. 169–193].

Врш – Вршачская рук. (*Вршачки*): Градски музеј Вршац, И 2969, серб. яз., с включениями русско-словенского, 1772 г.; по изд.: [8, с. 425–448].

Грб – Грабальская рук. (*Грбальски*): АСВБ, № 19 (А. XIV 2/29), серб. яз., посл. четв. XVIII в.; по изд.: [8, с. 459–473].

Јаг – Ягичевская рук. (*Јагићев*): Семинар за српски језик Филолошког факултета у Београду, Ј 1602, серб. яз., с включениями русско-словенского, втор. пол. XIX в.; по изд.: [8, с. 509–525].

Кар – Карловацкая рук. (*Карловачки*): НБС, № 152, серб. яз., с включениями русско-словенского, 1764 г.; по изд.: [8, с. 391–414].

Ков – Ковильская рук. (*Ковиљски*): БМС, РР I 35, серб. яз., 1726 г.; по изд.: [8, с. 311–334].

Пат – Патриаршая рук. (*Патријаршијски*): Библиотека Српске патријаршије, Београд, № 42, серб. яз., кон. XVII – нач. XVIII вв.; по изд.: [8, с. 145–158].

Поп – Попинацкая рук. (*Попиначки*): БМС, РР I 33, серб. яз., ок. 1705 г.; по изд.: [8, с. 205–228].

Прз – Призренская рук. (*Призренски*): НБС, № 688, серб. яз., перв. четв. XVI в.; по изд.: [7, с. 97–155].

Рав – Раваничская рук. (*Раванички*): KNM, IX H 7 (Š 17), серб. яз., втор. пол. XVII в.; по изд.: [7, с. 299–337].

Рак – Раковачская рук. (*Раковачки*): KNM, IX C 4 (Š 16), серб. яз., 1700–1701 г.; по изд.: [7, с. 227–281].

Реж – Режевичская рук. (*Режевићки*): АХАЗУ, III а 28 (Kukuljević 500), серб. яз., перв. пол. XVIII в.; по изд.: [8, с. 377–384].

Рум – Румынская рук. (*Румунски*): Biblioteca Academiei Române, București, ms. roum. № 3093, рум. яз., 1776 г.; по изд.: [33; 34].

Сан – Сандичевская рук. (*Сандићев*): БМС, РР I 34, серб. яз., ок. 1725 г.; по изд.: [8, с. 275–299].

Соф – Софийская рук. (*Софијски*): Национална библиотека «Св. св. Кирил и Методий», София, № 293, серб. яз., 1728 г.; по изд.: [7, с. 357–403].

Стд – Студеничская рук. (*Студенички*): АХАЗУ, IV d 114, серб. яз., ок. 1430 г.; по изд.: [6, с. 41–59].

Стр – Струшская рук. (*Струшки*): РГБ, Ф. 87 (собр. Григоровича), № 29, М 1732, серб. яз., посл. дес. XIV в.; по изд.: [5, с. 97–121].

Тек – Текелийинская рук. (*Текелијин*): БМС, РР III 85, серб. яз., 1711 г.; по изд.: [8, с. 239–264].

Хил – Хиландарская рук. (*Хиландарски*): Манастир Хиландар, № 300, серб. яз., 1420–1430 г.; по изд.: [6, с. 75–101].

Ход – Ходошская рук. (*Ходошки*): KNM, IX F 10 (Š 14), серб. яз., перв. трет. XV в.; по изд.: [6, с. 113–147].

Шшш – Шишатовачская рук. (*Шишатовачки*): KNM, IX F 21 (Š 15), серб. яз., сер. XVII в.; по изд.: [7, с. 173–209].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бошков, М. Три брата Мрњавчевића у рукописној традицији рачанских летописа / М. Бошков // Зборник у част Марији Клеут / под. ред. С. Томин, Љ. Пешикан-Љуштановић, Н. Половина. – Нови Сад : Универзитет у Новом Саду, Филозофски ф-т, 2013. – С. 339–356.

2. Бубало, Ђ. Душанов законик / приред. Ђ. Бубало. – Београд : Гласник, 2010. – 243 с.

3. Бубало, Ђ. Оглед из историје текста Душановог законика (рукописно окружење) / Ђ. Бубало // Зборник радова Византолошког института. – Београд : САНУ, 2013. – Књ. 50/2. – С. 725–740.

4. Бубало, Ђ. Душаново законодавство на Светој гори / Ђ. Бубало // Афон и Славјански мир, Материјали међународној научној конференцији, посвећеној 1000-летију присуства руских на Светој Горе, Белград, 16–18 маја 2013 г. / ред.

Ж. Л. Левшина. – Свята Гора Афон, 2014. – Књ. 1. – С. 147–57.

5. Законик цара Стефана Душана / ред. М. Беговић. – Београд : САНУ, 1975. – Књ. 1 : Струшки и Атонски рукопис. – 272 с. – (Одељење друштвених наука САНУ, Извори српског права ; 4).

6. Законик цара Стефана Душана / ред. М. Беговић. – Београд : САНУ, 1981. – Књ. 2 : Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукопис. – 299 с. – (Одељење друштвених наука САНУ, Извори српског права ; 4).

7. Законик цара Стефана Душана / ред. М. Пешикан, И. Грицкат-Радуловић, М. Јовичић. – Београд : САНУ, 1997. – Књ. 3 : Барањски, Призренски, Шишатовачки, Раковачки, Раванички и Софијски рукопис. – 497 с. – (Одељење друштвених наука САНУ, Извори српског права ; 4).

8. Законик цара Стефана Душана / ред. К. Чавошки, Ђ. Бубало. – Београд : САНУ, 2015. – Књ. 4, 1-2 : Патријаршијски, Борђошких, Попиначки, Текелијин, Сандићев, Ковиљски, Београдски, Режевићки, Карловачки, Вршачки, Грбальски, Богишићев и Јагићев рукопис. – (Одељење друштвених наука САНУ, Извори српског права ; 4).

9. Јустинијанов закон. Средњовековна византијско-српска правна компилација / изд. Б. Марковић. – Београд : САНУ, 2007. – 276 с. – (Одељење друштвених наука САНУ, Извори српског права ; 15).

10. Медаковић, Д. Барок код Срба / Д. Медаковић. – Загреб : Просвјета, 1988. – 254 с.

11. Новаковић, С. Законски споменици српских држава средњег века / уред. С. Новаковић. – Београд, 1912. – XLIV, 912 с.

12. Новаковић, С. Матије Властара Синтагмат / уред. С. Новаковић. – Београд : Н. Кристић, 1907. – LXXXVII, 574 с.

13. Опис ћирилских рукописних књига манастира Високи Дечани / приред. Н. Синдик. – Београд : Народна библиотека Србије, 2011. – Књ. 1. – XXXVIII, 694 с. – (Народна библиотека Србије. Опис јужнословенских ћирилских рукописа ; IV).

14. Радојчић-Костић, Г. Библиографија о законодавству цара Стефана Душана / Г. Радојчић-Костић. – Београд : САНУ, 2006. – 362 р. – (Одељење друштвених наука САНУ, Извори српског права ; 12).

15. Савић, В. «Понос» и [«досада»] у Душанову законнику. Трагом неких изгубљених значења / В. Савић // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. – Нови Сад : Матица српска, 2014. – Књ. 57/1. – С. 31–47.

16. Синдик, Н. Обнова библиотеке манастира Високи Дечани крајем XIV и у првој деценији XV века / Н. Синдик // Српска књижевност у доба Деспотовине, научни скуп, Деспотовац, 22–23. 8. 1997 / приред. М. Пантић. – Деспотовац : Народна

библиотека «Ресавска школа», 1998. – С. 247–256. – (Дани српскога духовног преображења ; V).

17. Соловјев, А. Два прилога проучавању Душанове државе / А. Соловјев // Гласник Скопског научног друштва. – Скопље, 1927. – Књ. 2. – С. 25–45.

18. Соловјев, А. Законодавство Стефана Душана цара Срба и Грка / уред. А. Соловјев (Београд ; Скопље, 1928. – VI, 246 с.) // Класици југословенског права. – Београд, 1998. – Књ. 16. – С. 307–561.

19. Соловјев, А. Књига привилегија Грбальске жупе (1647–1767) са Душановим закоником / А. Соловјев // Споменик СКА. – Београд, 1938. – Књ. 87. – С. 21–79.

20. Соловјев, А. Студије из историје нашег народног права у XVIII веку / А. Соловјев // Гласник Земаљског музеја у Сарајеву. – Сарајево, 1947. – Књ. 2. – С. 224–240.

21. Соловјев, А. Законик цара Стефана Душана 1349 и 1354 године / А. Соловјев. – Београд; САНУ, 1980. – 345 с. – (Одељење друштвених наука САНУ, Извори српског права ; 6).

22. Старе српске повеље и писма / уред. Љ. Стојановић. – Београд; Сремски Карловци, 1929. – Књ. 1. – 644 с.

23. Старе српске повеље и писма / уред. Љ. Стојановић. – Београд; Сремски Карловци, 1934. – Књ. 2. – 557 с.

24. Троицки, С. Црквено-политичка идеологија Светосавске крмчије и Властареве синтагме / С. Троицки // Глас САН. – Београд, 1953. – Књ. 212. – С. 186–202.

25. Турилов, А. А. Книжное письмо в сербских грамотах XIV–XV вв.: проблемы писцов, подлинности и датировки актов (из предварительных наблюдений) / А. А. Турилов // Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона. – М.: ИВИ РАН, 2008. – С. 195–202.

26. Ћирковић, С. Краљ у Душановом закоником / С. Ћирковић // Зборник радова Византолошког института. – Београд: САНУ, 1994. – Књ. 33. – С. 149–164.

27. Ћирковић, С. Ана, царица, жена цара Уроша / С. Ћирковић // Српски биографски речник. – Нови Сад, 2004. – Књ. 1. – С. 138.

28. Ћирковић, С. Старија и млађа редакција Душановог законика / С. Ћирковић // Законик цара Стефана Душана: Зборник радова са научног скупа одржаног 3. октобра 2000, поводом 650 година од проглашења / приред. С. Ћирковић ; К. Чавошки. – Београд : САНУ, 2005. – С. 91–96. – (САНУ, Научни скупови CVIII, Одељење друштвених наука ; 24).

29. Ћирковић, С. Студије о Душановом закоником, 1: Наслови и редни бројеви чланова / С. Ћирковић // Мешовита грађа. – Београд, 2006. – Књ. 27. – С. 7–41.

30. Ћирковић, С. Студије о Душановом закоником, 2: Удвојени, раздвојени и фрагментарни чла-

нови Раковачког рукописа / С. Ћирковић // Мешовита грађа. – Београд, 2011. – Књ. 32. – С. 9–38.

31. Флоринский, Т. Памятники законодательной деятельности Душана Царя Сербов и Греков / Т. Флоринский. – Киев, 1888. – XII, 495, 225, XXXIII с.

32. Цернић, Ј. О атрибуцији средњовековних српских ћирилских рукописа / Ј. Цернић // Текстологија средњовековних јужнословенских књижевности / приред. Д. Богдановић. – Београд : САНУ, 1981. – С. 335–360. – (САНУ, Научни скупови ; књ. X, Одељење језика и књижевности ; књ. 2).

33. Andréev, M. Loi de jugement. Compilation attribuée aux empereurs Constantin et Justinien, versions slave et roumaine / M. Andréev, G. Cron. – Bucarest: Association internationale d'études du Sud-Est européen, 1971. – 191 p.

34. Marcu, L. Une variante roumaine du code d'Etienne Douchan / L. Marcu // Revue des études sud-est européennes. – București, 1989. – Vol. 27, № 1–2. – P. 145–158.

35. Mošin, V. Vlastareva sintagma i Dušanov zakonik u Studeničkom "Otečniku" / V. Mošin // Starine JAZU. – Zagreb, 1949. – Kn. 42. – S. 7–25.

36. Mošin, V. Paštrovski spisak Dušanova zakonodavstva prema Zagrebačkom rukopisu / V. Mošin // Starine JAZU. – Zagreb, 1951. – Kn. 43. – S. 7–27.

CONVENTIONAL ABBREVIATIONS

ASVB – The Archive of Valtazar Bogišić's Collection (Cavtat)

AKhAZU – The Archive Croatian Academy of Sciences and Art (Zagreb)

BMS – The Library of Matica srpska (Novi Sad)

NBS – The National Library of Serbia (Belgrade)

RGB – Russian State Library (Moscow)

KNM – Knihovny Národního muzea (Prague).

ABBREVIATIONS OF MANUSCRIPT NAMES IN STEPHAN DUSAN'S CODE

Atn – Afonskaya ruk. (Atonski): RGB, F 87 (sobr. Grigorovicha), no. 28, M 1708, serb. yaz., vtor. chetv. XV v.; po izd.: [5, pp. 163–207].

Bar – Baranskaya ruk. (Baranski): Univerzitetska biblioteka "Svetozar Markovih", Beograd, no. 39 (K. I. 16285), serb. yaz., perv. chetv. XVI v.; po izd.: [7, pp. 35–81].

Bgd – Belgradskaya ruk. (Beogradski): Narodna biblioteka u Beogradu, no. 38, serb. yaz., do 1757 g., sgorela v 1941 g.; kopiya Janka Shafarika 1847 g., KNM, IX G 9 (Š 18); po izd.: [8, pp. 345–368].

Bis – Bistrichskaya ruk. (Bistrichki): Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, Moskva, sobr.

E.V. Barsova, no. 151, serb. yaz., ser. XV v.; po izd.: [6, pp. 171-219].

Bog – Bogishichevskaya ruk. (Bogishihev): ASVB, no. 123, serb. yaz., s vklyucheniymi russko-slovenskogo, vtor. pol. XIX v.; po izd.: [8, pp. 485-502].

Bor – Bordzhoshkaya ruk. (Borhoshkikh): BMS, RR III 2, serb. yaz., ok. 1703–1710 g.; po izd.: [8, pp. 169-193].

Vrsh – Vrshachskaya ruk. (Vrshachki): Gradski muzej Vrshats, I 2969, serb. yaz., s vklyucheniymi russko-slovenskogo, 1772 g.; po izd.: [8, pp. 425-448].

Grb – Grabalskaya ruk. (Grbaljski): ASVB, no. 19 (A. XIV 2/29), serb. yaz., posl. chetv. XVIII v.; po izd.: [8, pp. 459-473].

Jag – Yagichevskaya ruk. (Jagihev): Seminar za srpski jezik Filoloshkog fakulteta u Beogradu, J 1602, serb. yaz., s vklyucheniymi russko-slovenskogo, vtor. pol. XIX v.; po izd.: [8, pp. 509-525].

Kar – Karlovatskaya ruk. (Karlovachki): NBS, no. 152, serb. yaz., s vklyucheniymi russko-slovenskogo, 1764 g.; po izd.: [8, pp. 391-414].

Kov – Koviljskaya ruk. (Koviljski): BMS, RR I 35, serb. yaz., 1726 g.; po izd.: [8, s. 311–334].

Pat – Patrijarshaya ruk. (Patrijarshijski): Biblioteka Srpske patrijarshije, Beograd, no. 42, serb. yaz., kon. XVII – nach. XVIII vv.; po izd.: [8, pp. 145-158].

Pop – Popinachskaya ruk. (Popinachki): BMS, RRI 33, serb. yaz., ok. 1705 g.; po izd.: [8, pp. 205-228].

Prz – Prizrenskaya ruk. (Prizrenski): NBS, no. 688, serb. yaz., perv. chetv. XVI v.; po izd.: [7, pp. 97-155].

Rav – Ravanichskaya ruk. (Ravanichki): KNM, IX H 7 (Š 17), serb. yaz., vtor. pol. XVII v.; po izd.: [7, pp. 299-337].

Rak – Rakovachskaya ruk. (Rakovachki): KNM, IX C 4 (Š 16), serb. yaz., 1700–1701 g.; po izd.: [7, pp. 227-281].

Rezh – Rezhevichskaya ruk. (Rezhevihi): AKhAZU, III a 28 (Kukuljević 500), serb. yaz., perv. pol. XVIII v.; po izd.: [8, pp. 377-384].

Rum – Rumynskaya ruk. (Rumunski): Biblioteca Academiei Române, București, ms. roum. no. 3093, rum. yaz., 1776 g.; po izd.: [33; 34].

San – Sandichevskaya ruk. (Sandihev): BMS, RRI 34, serb. yaz., ok. 1725 g.; po izd.: [8, pp. 275-299].

Sof – Sofiyskaya ruk. (Sofijski): Natsionalna biblioteka “Sv. sv. Kiril i Metodiy”, Sofiya, no. 293, serb. yaz., 1728 g.; po izd.: [7, pp. 357-403].

Std – Studenichskaya ruk. (Studenichki): AKhAZU, IV d 114, serb. yaz., ok. 1430 g.; po izd.: [6, pp. 41-59].

Str – Strushskaya ruk. (Strushki): RGB, F. 87 (sobr. Grigorovicha), no. 29, M 1732, serb. yaz., posl. des. XIV v.; po izd.: [5, pp. 97-121].

Tek – Tekeliynskaya ruk. (Tekelijin): BMS, RR III 85, serb. yaz., 1711 g.; po izd.: [8, pp. 239-264].

Khil – Khilandarskaya ruk. (Khilandarski): Manastir Khilandar, no. 300, serb. yaz., 1420–1430 g.; po izd.: [6, pp. 75-101].

Khod – Khodoshskaya ruk. (Khodoshki): KNM, IX F 10 (Š 14), serb. yaz., perv. tret. XV v.; po izd.: [6, pp. 113-147].

Shish – Shishatovachskaya ruk. (Shishatovachki): KNM, IX F 21 (Š 15), serb. yaz., ser. XVII v.; po izd.: [7, pp. 173-209].

REFERENCES

1. Boshkov M. Tri brata Mrnjavchevicha u rukopisnoj tradiciji rachanskih letopisa. Tomin S., Peshikan-Ljushtanovih, Polovina N. *Zbornik u chast Mariji Kleut*. Novi Sad, Univerzitet u Novom Sadu, Filozofski f-t, 2013, pp. 339-356.

2. Bubalo Ђ., ed. *Dušan's Code*. Beograd, Glasnik Publ., 2010. 243 p. (in Serbian).

3. Bubalo Ђ. View From the History of Dušan's Code Text (Handwritten Environment). *Zbornik radova Vizantoloshkog instituta*. Beograd, SANU Publ., 2013, vol. 50/2, pp. 725-740. (in Serbian).

4. Bubalo Ђ. Dushanovo zakonodavstvo na Svetoj gori [Dušan's Code on the Holy Mountain]. Levshin Zh.L., ed. *Afon i Slavyanskiy mir; Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 1000-letiyu prisutstviya russkikh na Svyatoy Gore, Belgrad, 16-18 maya 2013 g.* [Athos and Slavic World, Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 1000th Anniversary of Russian Presence in the Holy Mountain, Belgrade, May 16-18, 2013]. *Svyataya Gora Afon*, 2014, vol. 1, pp. 47-57.

5. Begoviћ M., ed. *Code of Emperor Stephan Dušan*. Beograd, SANU Publ., 1975. Vol. 1: Wood shavings and Atonski manuscripts. 272 p. (Serbian Academy of Sciences and Arts, Department of Social Sciences, Sources of Serbian Law; 4). (in Serbian).

6. Begoviћ M., ed. *Code of Emperor Stephan Dušan*. Beograd, SANU Publ., 1981. Vol. 2: Studenički, Hilandarski, Hodoš and Bistrički manuscript. 299 p. (Serbian Academy of Sciences and Arts, Department of Social Sciences, Sources of Serbian Law; 4). (in Serbian).

7. Peshikan M., Grickat-Radulovich I., Jovichich M., eds. *Code of Emperor Stephan Dušan*. Beograd, SANU Publ., 1997, Vol. 3: Baranjski, Prizrenski, Shishatovachki, Rakovachki, Ravanichi i Sofijski rukopis. 497 p. (Serbian Academy of Sciences and Arts, Department of Social Sciences, Sources of Serbian Law; 4). (in Serbian).

8. Chavoshki K., Bubalo Ђ., eds. *Code of Emperor Stephan Dušan*. Beograd, SANU Publ., 2015. Vol. 4, 1-2: Patrijarshijski, Bordjoshkih, Popinachki, Tekelijin, Sandichev, Koviljski, Beogradski,

Rezhevichki, Karlovachki, Vrshachki, Grbaljski, Bogishichev i Jagichev rukopis. (Serbian Academy of Sciences and Arts, Department of Social Sciences, Sources of Serbian Law; 4). (in Serbian).

9. Markovih B., ed. *Justinian Law. Medieval Byzantine-Serbian Legal Compilation*. Beograd, SANU Publ., 2007. 276 p. (Serbian Academy of Sciences and Arts, Department of Social Sciences, Sources of Serbian Law; 4). (in Serbian).

10. Medakovih D. *Barok among Serbs*. Zagreb, Prosvjeta Publ., 1988. 254 p. (in Serbian).

11. Novakovih S. *Legal Monuments of Serbian States of the Middle Ages*. Beograd, 1912, vol. XLIV. 912 p. (in Serbian).

12. Novakovih S. *Syntagma of Matthew Blastares*. Beograd, 1907, vol. LXXXVII. 574 p. (in Serbian).

13. Sindik N., ed. *Description of Cyrillic Manuscripts From Monastery Visoki Decani*. Beograd, Narodna biblioteka Srbije, 2011, vol. 1, XXXVIII. 694 p. (National Library of Serbia. Description of the South Slav Cyrillic Manuscripts, IV). (in Serbian).

14. Radojchih-Kostih G. *Bibliography on Legislation by Emperor Stefan Dušan*. Beograd, SANU Publ., 2006. 362 p. (Serbian Academy of Sciences and Arts, Department of Social Sciences, Sources of Serbian Law; 12). (in Serbian).

15. Savih V. "Pride" and ["Boredom"] in Dušan Code. Following Some Lost Meaning. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*. Novi Sad, Matica Srpska Publ., 2014, vol. 57/1, pp. 31-47. (in Serbian).

16. Sindik N. Rebuilding Libraries at the Monastery of Visoki Decani of 14-15th Century. Pantich M., ed. *Srpska knizhevnost u doba Despotovine, nauchni skup, Despotovac, August 22-23, 1997*. Despotovac, Narodna biblioteka "Resavska shkola", 1998, pp. 247-256. (Days of Serbian Spiritual Transfiguration, V). (in Serbian).

17. Solovjev A. Dva priloga prouchavanju Dushanove drzhave. *Glasnik Skopskog nauchnog drustva*. Skopje, 1927, vol. 2, pp. 25-45.

18. Solovjev A., ed. Legislation of Serbian and Greek Emperor Stephan Dušan. *Klasici jugoslovenskog prava*. Beograd, 1998, vol. 16, pp. 307-561. (in Serbian).

19. Solovjev A. Knjiga privilegija Grbaljske zhupe (1647-1767) sa Dushanovim zakonikom. *Spomenik SKA*. Beograd, 1938, vol. 87, pp. 21-79.

20. Solovjev A. Studies in the History of Our National Rights in the Eighteenth Century. *Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu*. Sarajevo, 1947, vol. 2, pp. 224-240. (in Serbian).

21. Solovjev A. *Code of Emperor Stefan Dušan in 1349, 1354*. Beograd, SANU Publ., 1980. 345 p. (Serbian Academy of Sciences and Arts, Department of Social Sciences, Sources of Serbian Law; 6). (in Serbian).

22. Stojanovih Lj., ed. *Old Serbian Charters and Letters*. Beograd, Sremski Karlovci, 1929, vol. 1. 644 p. (in Serbian).

23. Stojanovih Lj., ed. *Old Serbian Charters and Letters*. Beograd, Sremski Karlovci, 1934, vol. 2. 557 p. (in Serbian).

24. Troicki S. Crkveno-politichka ideologija Svetosavske krmchije i Vlastareve sintagme. *Glas SAN*. Beograd, 1953, vol. 212, pp. 186-202.

25. Turilov A.A. Knizhnoe pismo v serbskikh gramotakh XIV-XV vv.: problemy pistsov, podlinnosti i datirovki aktov (iz predvaritelnykh nablyudeniy) [The Book Handwriting in Serb Acts of 14-15th cc.: the Problems of Scribes, Originality and Dating of Acts (From Preliminary Observations)]. *Paleografiya i kodikologiya: 300 let posle Monfokona* [The Palaeography and Codicology: 300 Years After Monfokon]. Moscow, IVIRAN Publ., 2008, pp. 195-202.

26. Hirkovih S. King in Dušan Code. *Zbornik radova Vizantoloshkog instituta*. Beograd, SANU Publ., 1994, vol. 33, pp. 149-164. (in Serbian).

27. Hirkovih S. Ana, carica, zhena cara Urosha. *Srpski biografski rechnik*. Novi Sad, 2004, vol. 1, p. 138.

28. Hirkovih S., Chavoshki K. Old and New Edition of Dušan's Code. *Code of Emperor Stefan Dušan: Proceedings of the Scientific Conference of October 3, 2000 on the Occasion of 650 Years Since the Adoption*. Beograd, SANU Publ., 2005, pp. 91-96. (SANU, Nauchni skupovi CVIII, Odeljenje drushtvenih nauka 24). (in Serbian).

29. Hirkovih S. Study on Dušan's Code, 1: Addresses and Ordinal Numbers of Members. *Meshovita gradja (Miscelanea)*, Beograd, 2006, vol. 27, pp. 7-41. (in Serbian).

30. Hirkovih S. Study on Dušan's Code, 2: The Double, Divided and Fragmentary Elements of Rakovačkog's Manuscript. *Meshovita gradja (Miscelanea)*. Beograd, 2011, vol. 32, pp. 9-38. (in Serbian).

31. Florinskiy T. *Pamyatniki zakonodatelnoy deyatelnosti Dushana – Tsarya Serbov i Grekov* [The Monuments of the Legal Activity of Dušan – Emperor of Serbs and Greeks], Kiev, 1888, vol. XII, 495, 225, XXXIII p.

32. Cernih L., Bogdanovih D. *About Attribution of Medieval Serbian Cyrillic Manuscripts. Textology of Medieval South Slavic Literature*. Beograd, SANU Publ., 1981, pp. 335-360. (Serbian Academy of Sciences and Arts, Nauchni skupovi; vol. X, Odeljenje jezika i knjizhevnosti; vol. 2). (in Serbian).

33. Andréev M., Cron G. *Loi de jugement. Compilation attribuée aux empereurs Constantin et Justinien, versions slave et roumaine* [Act of Judgment. Compilation Attributed to Constantine and Justinian Emperors: Slavic and Romanian Versions.

Bucarest, Association internationale d'études du Sud-Est européen, 1971. 191 p.

34. Marcu L. Une variante roumaine du code d'Etienne Douchan [A Romanian Variant of the Dušan's Code]. *Revue des études sud-est européennes*, 1989, vol. 27, iss. 1-2, pp. 145-158.

35. Mošin V. Vlastareva sintagma i Dušanov zakonik u Studeničkom "Otečniku". *Starine JAZU*, 1949, vol. 42, pp. 7-25.

36. Mošin V. Paštrovski spisak Dušanova zakonodavstva prema Zagrebačkom rukopisu. *Starine JAZU*, 1951, vol. 43, pp. 7-27.

THE ERA OF DUŠAN'S CODE

Dorđe Bubalo

PhD, Associate Professor,
Department of History, Faculty of Philosophy,
University of Belgrade
djbubalo@f.bg.ac.rs
Chika Lyubina St., 18-20, 11000 Belgrade, Serbia

Abstract. Drawing on the structure and contents of the extant manuscripts of the Dušan's *Code*, this paper attempts to roughly outline the history of its application and changes from its promulgation in 1349 and revision in 1353-1354 to the end of the 18th century. The scarce evidence about the application of the Code has been preserved in some charters issued by the emperors Dušan and Uroš, but since the 15th century the only evidence about its application is found in its new copies or the changes in its structure and in the phrasing of certain stipulations. The producing of copies similar to the original version continued simultaneously with the revisions of Dušan's *Code*, with all sharing a single trait: the coalescence of Dušan's *Code* with its codicological environment, whose first and fixed layer included the *Abbreviated Syntagma* of Matthew Blastares and so called *Justinian's Code*. Along with these, other ecclesiastical-legal compositions were also copied, which suggest that the extant copies of Dušan's *Code* were used in ecclesiastical courts or for the clergy's everyday service needs. The signs which suggest that the Code was gradually adapted to suit different legal and social conditions are: the exclusion of stipulations which were no longer up-to-date; a new systematization of stipulations according to the subject matter; changes in penalties and sanctions; amendments and clarifications of some stipulations; and the modernization of the document's language and legal terms.

No earlier than the second half of the 17th century, a separate recension of Dušan's *Code* was created in order to facilitate the adaptation and use of the Code's legal material for the regulation of those legal relations which the Serbian ecclesiastical hierarchy or the local self-governing authorities had kept in their jurisdiction under foreign rule. The majority of the copies of this new, younger recension was created and enacted in the circle of the Serbian ecclesiastical hierarchy and the subjects of the Habsburg Monarchy after the Great Exodus. Not only did the Code provide positive legal material, but its mere existence and authority also helped the efforts of the Serbian hierarchy in the Habsburg Monarchy to emphasize the tradition of Serbian statehood, as well as its tendencies towards a renewal of state independence.

Key words: Dušan's Code, Abbreviated Syntagma of Matthew Blastares, Justinian's Code, Serbian Orthodox Church.